

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Огонек

№ 30 (69). 20-го июля 1924 г.

О ЧЕХОВЕ.

(20 лет со дня смерти).

Очерк Юрия Соболева.

Антон Павлович Чехов родился 17 января 1860 г. в Таганроге. Его отец Павел Георгиевич (Егорович) — купец 2-й гильдии, был владельцем дома и небольшой лавки, в которой продавалась бакалейная и гастрономическая мелочь. Дед Чехова происходил из крепостных крестьян помещика Черткова, но выкупился на волю и служил в конторе графского имени в Платовке, где во время летних каникул гащивали его внуки — Антоша с братьями Александром, Николаем, Иваном и Михаилом. Эти поездки совершались обычно на волах и, вероятно, вспоминались Чехову, когда он писал свою «Степь», в которой впечатления маленького Егорюшки, — подлинное переживания самого Антоши.

Строй чеховской семьи держался на традициях почитания и послушания старших. Отец, человек талантливый, любитель живописи и церковного пения, воспитывал детей строго и, не будучи вовсе жестоким, наказывал сыновей розгой и ремнем — по старому обычаю. В раннем детстве был Антоша много раз сечен. Учился он сперва в греческой школе некоего Вучины, педагогические приемы которого сводились к битью и порке нерадивых учеников — детей таганрогских шкиперов и матросов. В ту пору был еще Таганрог портовым городом, утратив в последствии всякое торговое значение и став унылой и бедной провинцией, столицей которой являлся соседний Ростов н/Дону. Таганрог конца 70-тых годов описан Чеховым в целом ряде его рассказов — в «Моя жизнь», «Огни», «Учитель словесности» и других, в которых проходит перед читателем безотрадная жизнь госящих и ноющих интеллигентов с их безформенными мечтами о прекрасной жизни через 200—300 лет. Тот символический русский город, в котором «нет ни одного талантливого человека», и в котором «все только пьют, едят, от скуки рожают детей и лгут» — это Таганрог с его унылыми провинциальными заборами, за которыми задыхается кроткие любящие Анны Львовны и мечтатели Тузенбахи...

Антоша и Коля «Тсеховы» были зачислены Вучиной в разряд неуспевающих и два года, проведенные в учении у учителя-мучителя, были тяжелыми годами. «В детстве у меня не было детства», с грустью вспоминал об этой вовсе не золотой поре своей жизни Чехов. Из греческой школы — в гимназию. Она была мрачна, бездушна, пропитана казенным формализмом. Ее учителя послужили Чехову оригиналами для «людей в футлярах», которых он описал в рассказах «Учитель словесности» и «Человек в футляре». Учился Антоша средне. Два раза «сидел», оставаясь на второй год в классах. Свободное от гимназических уроков время — торговал в лавке и пел в церковном хоре. И за прилавком и на клиросе чувствовал себя «маленьким каторжником». Не потому ли с таким сочувствием говорит он о деревенском мальчишке Ваньке Жукове, написавшем печальное письмо своему дедушке и о замученной в работе Варьке, задушившей чужого ребенка (рассказ «Спать хочется»),

Только ласка и нежная заботливость матери — Евдокии Яковлевны («Сердце у нас от матери, талант от отца» — говорил Антон Павлович) смягчали строгую будничность гимназических, приказачьих и певических повинностей Чехова. Перейдя в шестой класс, Антоша неожиданно очутился на положении взрослого, самостоятельного человека. Отец, окончательно разорившись, ликвидировал свою торго-

вую, и, забрав всю семью, уехал навсегда из родного Таганрога в Москву. Антон Павлович поселился у некоего Селиванова, купившего с торгов дом Павла Егорьевича, и уроками начал зарабатывать себе на жизнь. На лето уезжал он репетировать племянника Селиванова — казацкого сына Кравцова, хутор которого описал он впоследствии в рассказе «Щенек».

Но юноша не терял бодрости духа. Нестощимый на выдумки, он морил со смеха

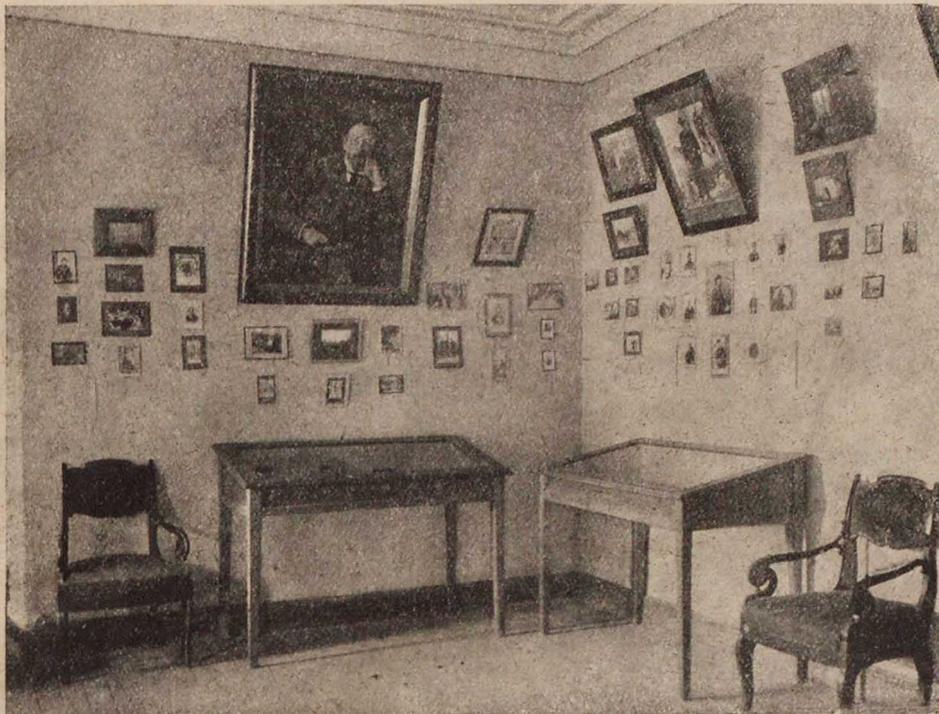
Антон Павлович Чехов.

товарищей и родных смешными историями и потешными сценками, легшими потом в основу многих его юмористических маленьких рассказов. В 1879 году Чехов окончил гимназию и, в свою очередь, переехал в Москву, поступив в университет, на медицинский факультет. Со второго курса он уже начал печататься в юмористических журналах Москвы и Петербурга — «Стрекозе», «Будильнике», «Развлечению», «Зрителю» и во многих других, успев за первые годы своего шатания по мелкой журналистике испробовать все: писал и рассказы и сценки, давал подписи к рисункам и обозрения московской жизни, в газете успел напечатать большой роман и... репортерские отчеты о судебном процессе. Для своей семьи Антон Павлович становился центром: влияние отца отошло на второй план. И неизвестно, как просуществовали бы Чеховы без материальной и нравственной поддержки Антона Павловича, на руках которого была сестра Мария Павловна, младший брат Михаил и жившая в доме тетушка Феодосия Яковлевна. Отец почти и не бывал в семье: он служил в амбаре купца Гаврилова, где и ночевал; нравы и быт этого амбара были потом изобра-

жены Антоном Павловичем в его повести «Три года». Гонорары молодого писателя не были блестящи — за каждой трехрублевой приходилось хаживать в редакцию по несколько раз, — вспоминал он сам об этой поре своих «комаров и мух», как называл он написанные им для «Стрекозы» или «Осколков» мелочи. Но писалось ему легко; сюжеты рождались внезапно один за другим в невероятной комбинации чисто гротескных шаржированных очертаний, эти, с первого взгляда как будто бы вполне беззаботные шутки о глупых, смешных и пошлых людях, на самом деле содержали нечто большее, чем простое зубоскальство: в них выступала вся заботливость, вся приниженность русского обывателя, отданного под надзор унтеру-офицеру Пришибееву. Недаром именно этот Пришибеев, герой Чеховского рассказа, стал теперь нарицательным именем! И было так много меткого, яркого и необыкновенно выразительного в писаниях «Антоши Чехонте» — псевдоним молодого Чехова, — что на них скоро обратили внимание уже в более серьезных изданиях.

Этот первый период творчества Чехова завершился приглашением дать большую вещь для толстого журнала, — «Северный Вестник», в котором, вслед за «Степью», — первой повестью Чехова — были напечатаны «Огни», «Именины», «Скучная История», — вещи, сразу выдвинувшие Чехова в первый ряд тогдашней русской беллетристики и поразившие критику и читателя новизной своей формы.

Личная жизнь Чехова складывалась в ту пору так же удачно. Его заработок позволял летом снимать дачи под Москвою. Так живет Чехов с семьей сперва в Воскресенске и Звенигороде, уездных городах Московской губернии, а затем в имении помещика Лисилева в Бабкине. К этому времени (1884 г.) Антон Павлович уже окончил университет. Медицинской практикой он почти не занимался и хотя на всю жизнь сохранил в почтении к медицине и любовь к соловью врачей — врачи постоянно фигурируют в его рассказах и пьесах, — но подлинной профессией своей избрал литературу. Молодой Чехов полон энергии и жизнерадостности. Ему не сидится на месте, — он вечно путешествует: с хутора «Лука», Харьковской губернии, где он живет у Литваревых, он уезжает то в Феодосию, то в Одессу, то на Кавказ, то навещает свои родные места — Таганрог и Донецкую область. Пейзажи этих мест переданы в ряде рассказов Чехова, — в «Перекати-Поле», «Святою ночью», «Дома». В 1890 году Чехов отправился на остров Сахалин, с целью изучить каторгу. Поездка протекала в необыкновенно тяжелых условиях: Великого Сибирского железнодорожного пути тогда еще не было и Антону Павловичу пришлось тягаться на перекладных, в холоде и под дождями. Несомненно, поездка эта болезненно отразилась на здоровье Чехова, легкие которого были уже затронуты (первое крохотарканье было замечено еще в 1880 г.). На Сахалине пробыл Чехов три месяца, выполнив сложнейшую работу по переписи всего подневольного населения острова, составив десять тысяч статистических карточек и отобрав богатейший материал по истории края, а также по его флоре и фауне. Результатом поездки была книга «Остров Сахалин», в которой, наряду с исчерпывающими историческими, статистическими и этнографическими данными, проходит

Одна из комнат Чеховского музея в Москве.

необыкновенно яркая и сильная картина жизни каторжан.

В 1892 году Чехов приобрел небольшое имение «Мелихово» — в семидесяти верстах от Москвы и в десяти от станции Московско-Курской жел. дороги — Лобаня. С этого момента начинается один из самых значительных периодов в его писательской и личной биографии. Годы, проведенные в Мелихове (1892—1898), отмечены созданием таких произведений, как «Моя жизнь», «Три года», «Черный монах», «Мужики», пьеса «Чайка». В них запечатлена русская жизнь той эпохи, — жизнь унылая, печальная и безотрадная, озаренная лишь мечтами о той правде, которая должна придти, чтобы побороть зло. И в этих рассказах звучит страстная вера Чехова в человека, которому потребны не три аршина земли, которые пужны трупу, а весь шар земной, для того, чтоб он мог проявить свое живое творческое призвание, и стать «выше львов и тигров, выше всего, что непонятно».

В Мелихове широко развинулась и общественная деятельность Чехова: он бесплатно лечит окрестное население, строит несколько школ, и в качестве гласного Серпуховского земства неустанно заботится о нуждах нищей деревни, устраивая санитарные пункты, пожарные сараи, прокладывая шоссе, а в холерный год строя бараки, и энергично борясь с надвигающейся эпидемией. Вся его волевая, актуальная натура, по своему складу столь противоположная «нытикам и пыжикам», им описанным, проступает за эти мелиховские годы с особенной четкостью. Давняя страсть к путешествиям не покидает его. Он не забыл тех сильных и глубоких впечатлений, что дал ему Индийский океан и остров Цейлон в дни его возвращения с Сахалина, и он снова стремится отправиться в далекие страны. Он несколько раз ездит за границу — в Италию, в Германию, Австрию, теперешнюю Чехо-Словакию, месяцами живет в Париже и в Ницце. Но здоровье его с каждым годом хуже и хуже. Уже доктора гонят его из Мелихова — и вот он в Ялте, где строит новый дом, ту «Белую дачу», которая превращена теперь в музей его имени. Сюда, по смерти отца, похороненного в Мелихове, переезжает его мать и сестра, и здесь проводит он последние годы своей жизни попрежнему в неустанной творческой работе. В Ялте написаны «Архиерей», «Невеста», «Три

сестры», «Вишневый сад». К ялтинскому периоду относится сближение Чехова с Московским Художественным Театром, в котором еще в 1897 году с огромным успехом прошла его «Чайка». Чехов отдает в этот театр все свои большие пьесы и становится его пайщиком. Его дружественная связь с «художественниками» закрепляется и становится поистине родственной в 1901

году, когда Антон Павлович женится на артистке Художественного Театра О. Л. Книппер. Из других фактов его биографии за этот период нужно отметить избрание почетным академиком по разряду изящной словесности Академии Наук. Но академиком пробыл Чехов недолго; узнав об изгнании из Академии по приказу царя М. Горького, он немедленно, в виде протеста, ушел из академии. В этом еще раз сказались его активная действенная натура, не желающая примириться с насилием и злом.

17 января 1904 года в вечер первого представления «Вишневого сада» Чехова чувствовал Художественный Театр и все литературные и многие общественные организации обеих столиц и России. Этот вечер оказался вечером прощания Чехова с нежно любимой им Москвой: его здоровье было настолько уже плохо, что доктора предписали ему заграничное лечение, отправив Антона Павловича в июне этого года в Баденвейлер — курорт в Шварцвальде. Здесь на руках жены он скончался в ночь на второе июля. Умер Чехов — по свидетельству лечившего его доктора, — как герой.

Он умер под грохот японских пушек, громивших Порт-Артур и потопивших русский флот при Цусиме. Вместе с Чеховым умирали тогда и старая «чеховская» Россия.

Поколение новых людей, выросших в грозу и бурю великого Октября, изжило без остатка сумеречность хмурых, ноющих лишних людей. Сумерки сменились ясной зарей. Чехов стал историей. Но как художник он оставил современникам наследие огромной ценности. «Новые формы», в создании которых видел Чехов свою единственную заслугу, — изучаются нами со всею пристальностью. Новая русская литература в них выросла и крепла.

Юрий Соболев